

Д. В. Тимофеев

Варианты решения крепостного вопроса
в России первой четверти XIX в.:
Опыт сравнительного анализа
«недозволенных речей»,
прошений и дворянских проектов

В начале XIX в. вопрос о положении крепостных крестьян в России становится одной из актуальных тем для обсуждения как в рамках публичных дискуссий на страницах российских журналов, так и на уровне формальных, но закрытых от общества заседаний в Негласном комитете, Государственном совете, особых комитетах и комиссиях¹. Существовая относительно независимо друг от друга, оба эти уровня осмысления проблемы сформировали общее негативное неприятие «рабства» как несовместимого с нормами христианской морали явления, а также порождали определенные надежды и опасения, связанные с возможным освобождением крепостных крестьян. Дополнительным фактором, укреплявшим ожидания преобразований, было издание указа 12 декабря 1801 г., в соответствии с которым всем

¹ См. подробнее: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888; *Мироенко С. В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 65–75, 119–136; *Жуковская Т. Н.* Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х гг. Петрозаводск, 2002. С. 2–42; *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII — начале XXI в. М., 2005; *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск: Пирс, 2006.

лицам «свободных состояний», включая государственных крестьян, было даровано право приобретения ненаселенных участков земли, и указа 20 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных»². На фоне либеральных заявлений Александра I любые, даже самые незначительные изменения в российском законодательстве воспринимались как свидетельство интереса верховной власти к крестьянскому вопросу. В сложившейся обстановке ожидания социальных преобразований, с одной стороны, порождали множество слухов и домыслов о намерениях верховной власти и наиболее вероятных условиях освобождения, а с другой — служили дополнительным стимулом для представителей либерально настроенной части дворянства предложить императору свои соображения по крестьянскому вопросу. Одновременное существование как формальных, так и неформальных каналов «обсуждения» крестьянского вопроса обуславливает необходимость проведения сравнительного анализа содержания слухов, прошений и дворянских проектов с целью выявления ожидаемых «сценариев освобождения» крестьян в России первой четверти XIX в.

Сценарии освобождения крестьян: слухи и анонимные записки

Проведенный анализ содержания «недозволенных речений», слухов и записок выявил два основных типа сценариев ликвидации «рабства» крестьян. Первый из них был сформирован в связи с внешнеполитическими обстоятельствами и предполагал, что свобода крестьянам будет дана не российскими властями или помещиками, а в результате действий Наполеона. Именно такие настроения зафиксированы в архивных материалах учрежденного 13 января 1807 г. особого «Комитета охранения общей безопасности». Так, например, куцер надворного советника Тузова А. Корнилов распространял слухи о том, что «француз хочет взять Россию и сделать всех вольными», а Наполеон в письме к Александру I потребовал, «чтоб освободил всех крепостных», а иначе «война будет всегда»³.

Поскольку культурные механизмы распространения слухов не предполагают каких-либо сословных или внутрисословных перегородок, их содержание достаточно быстро становилось известно губернским властям. В данном контексте интересным является дело о крестьянине Афанасии Артемьеве, возбужденное по доносу губернского секретаря Гаврилы Колеухова, который

² См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVI, № 20075. С. 862–863; Т. XXVII, № 20620. С. 462–463 (далее — ПСЗ-1).

³ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. 1807. Д. 4. Л. 1, 13.

в личном разговоре на постоялом дворе «открыл ему... что-де слухи происходят, яко французы заверяют чернь, что их в продолжающейся ныне войне не будут нисколько трогать, а только де будут истреблять господ помещиков, дабы облегчить чернь от притеснения и сделать одного государя, а то-де в России оных много»⁴. Широкое «хождение» слухи о намерении французов освободить крестьян получили зимой 1807 г. в западных и северо-западных губерниях Российской империи и нередко дополнялись элементами национально-освободительного характера. О содержании и направленности такого рода слухов свидетельствует рапорт Лифляндского губернского прокурора Риземана министру внутренних дел В. П. Кочубею, в котором сообщалось, что живущий в мызе Куркунд крестьянин Ян Вейкюлла, находясь в Цитенгорской корчме, говорил: «...французы отнюдь не суть наши (т. е. крестьянские) неприятели, а придут только сюда (в Лифляндию), чтоб здешних крестьян освободить от рабства, и что при подобном случае должно будет истребить в деревнях всех жительствовавших там немцев»⁵. Конечно, национальная составляющая в «недозволенных речах» лифляндского крестьянина была обусловлена целым рядом социокультурных причин и исторически сложившихся обстоятельств. Все эти причины, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения. В рамках же настоящего исследования принципиально важным является сам факт существования сценария «внешнего освобождения» крестьян.

Аналогичные ожидания на уровне слухов и недозволенных речей возникали весной 1812 г. и в центральных губерниях Российской империи. Так, например, о распространении сценария «внешнего освобождения» свидетельствуют материалы следствия по делу о дворовых людях Афанасии Медведеве и Петре Иванове, которые в марте 1812 г. распространяли слухи о том, что «Москву возьмут французы» и «скоро все будут вольными, а помещики ж будут на жаловании»⁶. При этом А. Медведев, желая убедить следователей в своей невиновности, утверждал, что он всего лишь передал Иванову содержание услышанного им случайно на Ильинской улице разговора десяти неизвестных людей.

В общем виде основанием для появления сценария «внешнего освобождения» была информация о действиях Наполеона в отношении крестьян на занятых им территориях. Действительно, в созданном под протекторатом Наполеона и формально возглавляемом королем Фридрихом-Августом Герцогстве Варшавском крестьяне получили личную свободу⁷. И хотя юридически они не получили ни земельных участков, ни права собственности на жилые строения и сельский инвентарь, российские крестьяне приграничных губерний, не имея достоверной информации о действительном положении дел, воспри-

⁴ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. 1807. Д. 18. Л. 7–8.

⁵ Там же. Д. 23. Л. 3.

⁶ Там же. 1812. Д. 1. Л. 1–2.

⁷ Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 172.

нимали такую «свободу» как желанную перспективу, реализация которой возможна в результате внешнего завоевания.

Второй тип сценария освобождения, который прослеживается при сопоставлении содержания слухов и составленных от лица крестьян анонимных записок, предполагал освобождение крепостных и дворовых людей по инициативе российского императора. Особенно отчетливо ожидания освобождения крестьян по прямому указанию государя проявились весной 1815 г. В одном из секретных донесений из Москвы сообщалось, что под воздействием слухов об издании императором манифеста о даровании крестьянам свободы «мужики беспрестанно твердят, что они вольные и многие из деревень выезжают»⁸. Аналогичная ситуация сложилась и в Новгородской губернии: «...некоторые крестьяне совсем бунтуют и в послушание не идут, причина тому ...что будто будет воля», объявление которой они «с часу на час дожидаются»⁹. При этом в донесении местных властей подчеркивалась прямая связь произошедших в поведении крестьян изменений и распространяемых в округе слухов: «...до того слуху исправляли барщину, а ныне никто ничего, и кто хочет, идет на барщину, а кто не хочет, сидит дома»¹⁰.

В распространении подобного рода слухов участвовали не только крестьяне и дворовые люди, но и представители так называемых «свободных состояний». Источником информации мог быть, например, приехавший из столицы офицер или мелкий чиновник. Именно такой вариант распространения слухов был изложен в рапорте из Нижнего Новгорода. Весной 1815 г. капитан гарнизонного батальона Любанский «привез известие о даровании всем помещичьим крестьянам вольности...», о чем, по его словам, был и «Манифест читан в Санктпетербургском Казанском соборе»¹¹. Уже через несколько дней после приезда дворовой человек капитана Любанского Александр Дмитриев «рассказал сию новость недавно определенному в Казенную палату приказному», который поделился информацией с несколькими своими коллегами по службе. В результате местные власти вынуждены были констатировать: чиновники казенной палаты «пустили означенные слухи далее так, что теперь весь город ими преисполнен, и подан способ в некоторых господских домах даже дворовым людям выводить из сего разные толки, могущия послужить нарушениям спокойствия»¹².

Содержательно разнообразные слухи о возможном освобождении крестьян по инициативе государя описывали два варианта развития событий. Первый — освобождение крепостных и дворовых людей посредством перевода их

⁸ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. 1815. Д. 2. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 4 — 4 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 2—3.

¹² Там же.

в разряд государственных крестьян. Так, например, по доносу полицейского Козлова, сын придворного истопника Гаврила Антонов в апреле 1812 г., покупая на Сенной рыбу, представился придворным офицером и призывал продавать ему товар дешевле, «ибо он объявит радостную весть, что по возвращении Государя все крестьяне будут государственные»¹³. Такой сценарий «освобождения от рабства» подразумевал переход на свободные государственные земли, а, следовательно, исключение крестьян из владения помещиков и лишение их права наказывать поселян за незначительные правонарушения.

В некоторых случаях распространители слухов не ограничивались констатацией факта, а дополняли их суждениями о возможных последствиях перевода частновладельческих крестьян в разряд государственных. Утверждалось, что намерение императора лишить помещиков права полного распоряжения крестьянами неизбежно должно было вызывать ожесточенное сопротивление дворянства, вплоть до совершения очередного дворцового переворота. Одним из документов, подтверждающих существование такого рода опасений, является донос коллежского регистратора Ивана Николаева, в котором сообщалось, что канцелярист Нижегородского земского суда Л. Снежицкий, «пришедши в суд, пересказывал за новость слышанное им от неизвестного проезжавшего из Санктпетербурга человека о покушении дворянства на жизнь Его Императорского Величества за намерение отобрать от всех их крестьян в казенное ведомство»¹⁴. По словам анонимного собеседника, «покушение таковое удержано Его Императорским Высочеством Великим князем Константином Павловичем»¹⁵. Таким образом, воспроизводилась мифологема доброго царя-защитника народа, который, несмотря на нежелание помещиков освобождать крестьян, готов идти на открытый конфликт с помещиками.

Второй вариант сценария «освобождения по инициативе российского императора» во многом смягчал обозначенное противоречие между государем и помещиками. В соответствии с ним освобождение крестьян должно было сопровождаться государственной компенсацией помещикам в денежной форме всех потерь от утраты находившихся в их распоряжении работников.

Следует отметить, что идея необходимости выплаты денежной компенсации помещикам была достаточно популярна, о чем свидетельствуют не только донесения о распространении представителями «нижних состояний» слухов, но и тексты всеподданнейших прошений, составленных от имени крестьян. Интересным примером такого документа является «подброшенное на высочайшее имя» весной 1807 г. анонимное прошение. В результате проведенного расследования было установлено, что оно составлено дворовыми людьми графа А. И. Безбородко Иваном, Осипом и Гордеем при активном участии

¹³ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. 1812. Д. 4. Л. 1.

¹⁴ Там же. 1815. Д. 2. Л. 1–2.

¹⁵ Там же.

коллежского секретаря Федора Дунаева, который «жил неподалеку... неоднократно с ними пивал, и по просьбам их писал к знакомым многие письма»¹⁶. В прошении от лица «бедных рабов господских» императору сообщалось, что крестьяне пришли в «отчаяние, и вскоре сделается бунт»¹⁷. Эмоционально описывая бедственное положение крестьян, авторы зывали к самодержцу: «Умилосердитесь, Батюшка наш Императорское Величество, докуда нам рабам господним и вашим верным подданным пропадать... Повелите... развести большие огни и велите нам всем броситься туда... или, лучше всего, велите нас всех отдать в солдаты. Великая для нас радость, что все мы будем ваши, все государственные»¹⁸. По мере снижения эмоционального напряжения в тексте прошения предлагался наиболее приемлемый, с точки зрения крестьян, вариант освобождения: «Даруйте вы господам нашим денежную суммою и положите им большое жалованье и пенсию, чтоб больше не было у них нас...»¹⁹. В завершение небольшого по объему текста прошения (примерно 2,5 страницы рукописного текста) авторы предлагали ограничить право помещиков наказывать крестьян, и еще раз, отождествляя положение крепостных с положением «рабов», обращались к российскому самодержцу: «Не оставьте наше императорское величество... господских бедных рабов»²⁰. В такой трактовке положение крепостных людей оценивалось негативно, без многочисленных оговорок и ссылок на конкретные обстоятельства или личные качества отдельного помещика, а исторически сложившаяся система личной зависимости крестьян могла быть уничтожена по инициативе монарха и при активном финансовом участии государства.

В целом анализ содержания слухов и анонимных прошений по крепостному вопросу позволяет утверждать, что вне зависимости от того, объявит ли о даровании «свободы» российский император или она будет предоставлена в результате внешнего завоевания, крестьянин не испытывал иллюзий в отношении помещиков, и не ожидал, что инициатором отмены «рабства» может стать их законный владелец. Главный смысловой акцент делался на переходе крестьян под покровительство государя, который, безусловно, позаботился бы и о наделении их необходимым количеством пашенной земли. Именно поэтому на уровне слухов проблема наделения крестьян землей не являлась первостепенной и затрагивалась крайне редко. С этих позиций слухи подобного рода отражали не только патерналистский характер ожиданий, но и отсутствие достоверной информации о том, что имевшиеся в распоряжении «казенного ведомства» земельные ресурсы за исключением отдаленных территорий страны были недостаточны для возможного переселения всех освобождаемых крепостных крестьян.

¹⁶ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI, 1807. Д. 69. Л. 12, 45.

¹⁷ Там же. Л. 109.

¹⁸ Там же. Л. 109, 110.

¹⁹ Там же. Л. 110.

²⁰ Там же.

Крестьянский вопрос в отражении дворянских прошений и проектов

Вопреки ожиданиям императора Александра I, рассчитывавшего, что после издания указа 20 февраля 1803 г. помещики добровольно начнут освобождать крестьян, дворянство оказалось не готово отказаться от использования подневольного труда крепостных. Основанием для возникновения у императора своеобразной «иллюзии готовности» наиболее просвещенных помещиков добровольно освобождать крестьян было всеподданнейшее прошение графа С. П. Румянцева. В конце 1802 г. он заявил о желании отпустить 199 душ крепостных и предложил Александру I издать указ, в соответствии с которым инициатива личного освобождения земледельцев должна была бы исходить от помещика, а конкретные условия перехода «в особое состояние вольных хлебопашцев» фиксировались в предварительно согласованном с губернскими властями договоре²¹. После обсуждения в Государственном совете предложение С. П. Румянцева стало основой для указа 20 февраля 1803 г.²²

Однако сколько-нибудь масштабной поддержки в дворянских кругах инициатива С. П. Румянцева не получила: с момента издания указа и до декабря 1825 г. было заключено всего около 160 договоров, регламентировавших порядок освобождения крепостных с землей за соответствующее денежное вознаграждение²³. Такое положение, на мой взгляд, было обусловлено общим для всех категорий российских подданных представлением о доминирующей роли государства в решении сложных социально-экономических проблем. В сложившейся ситуации большинство помещиков пассивно ожидало распоряжений верховной власти, и лишь некоторые из них проявляли инициативу в форме разного рода проектов и записок по крестьянскому вопросу.

Патерналистские интенции в подходе к решению крепостной проблемы отчетливо прослеживаются при сопоставлении основных «сценариев» освобождения, циркулировавших на уровне слухов, и содержания проектов, официально

²¹ См.: *Румянцев С. П.* Записка, поданная государю о вольных земледельцах // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII — первой четверти XIX века. Сб. документов / Под ред. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002. С. 45–48.

²² См.: Журнал заседания Общего собрания Совета 12 января 1805 г. // Архив Государственного Совета. Т. III: Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. С. 783–788.

²³ Общее количество освобожденных крестьян составляло 47 153 «души мужского пола». См. подробнее: *Бирюков В. В.* Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. I. С. 63–79; *Сергеева Н. И.* Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — нач. XX в. Л., 1983. С. 57–68; *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. М., 2003. С. 177; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 73; *Долгих А. Н.* Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX в. Липецк, 2006. Т. 2. С. 144–175.

представленных помещиками Александру I. Практически все описанные выше варианты за исключением, конечно, «сценария внешнего освобождения» можно обнаружить в текстах дворянских проектов и прошений.

Первый вариант — освобождение крестьян с последующим переводом на государственные земли, хотя и не рассматривался в качестве основного для решения крепостного вопроса в масштабе всей страны, но достаточно часто встречается в индивидуальных прошениях помещиков. Анализ некоторых из них позволяет предположить, что помещики, предлагая переселять крестьян на «казенные земли», пытались реализовать наиболее удобный для себя вариант безземельного освобождения крестьян за выкуп. Такой сценарий в 1807 г. был реализован, например, таврическим помещиком штабс-капитаном графом Каховским, освободившим 328 душ без земли за выкуп с рассрочкой платежа на три года и переселением крестьян на земли, принадлежащие государству²⁴. Аналогичный порядок был изложен и в прошении действительного тайного советника В. С. Попова: освобождаемые им «на вечно без земли» 1503 человека вне зависимости от пола и возраста должны были в течение года заплатить по 150 руб.²⁵, после чего они, «оставя... всё недвижимое имущество», могли перейти на казенные земли²⁶.

Однако при внешнем сходстве слухов об освобождении крестьян посредством перевода в разряд государственных и подаваемых на высочайшее имя дворянских прошений между ними существовало принципиальное различие. Как правило, в «недозволенных речах» вопрос о судьбе помещичьей земли не затрагивался, а переход означал лишь изменение субъекта властвования. Вместо непредсказуемого помещика, поведение которого зависело от настроения или личных представлений о способах наказания, крестьянин получал покровительство государства как структуры более стабильной и последовательной в своих практических действиях. Для помещика же переход крестьян в разряд государственных был неразрывно связан с вопросом о сохранении собственности на землю и получения денежной компенсации за утрату работников. В данном контексте показательно, что почти все будущие декабристы, например, первоначально высказывались за освобождение крепостных крестьян при условии, что земля оставалась бы собственностью помещика²⁷.

Второй вариант сценария освобождения по инициативе самодержца и при финансовом участии государства также присутствовал в дворянских проектах. Так, например, граф А. А. Аракчеев в представленном императору Александру I в феврале 1818 г. проекте предлагал освобождать крепостных по инициативе государства, которое постепенно выкупало бы у помещиков крестьян

²⁴ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1812. Д. 103. Л. 5.

²⁵ 50 человек были освобождены без платы, см.: РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1812. Д. 103. Л. 3 — 3 об.

²⁶ Там же. Л. 3 об.

²⁷ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003. С. 180.

с земель по ценам каждой конкретной местности из расчета 2 десятины на одну «ревизскую душу»²⁸. Финансовые средства правительство должно было получить за счет ежегодных отчислений с питейного сбора и выпуска 5%-ных облигаций государственного займа. Таким образом, автор прямо говорил о финансовой ответственности государства перед помещиками и возможности выкупа крестьян с землей посредством кредитной операции. Данный проект был одобрен императором Александром I, но его реализация была затруднена в связи с несоразмерностью доходов от предлагаемых источников финансирования крестьянской реформы и общей суммы компенсационных выплат помещику²⁹.

Еще одним принципиально важным отличием слухов от дворянских проектов была скорость предполагаемых социальных изменений. На уровне слухов, анонимных писем и воззваний никогда не обозначалась точная дата, но утверждалось, что «дарование вольности» произойдет в ближайшее время. В дворянских проектах же процесс освобождения представлялся более длительным, требующим протяженного во времени подготовительного этапа, в ходе которого крестьянин должен был приобрести необходимые навыки и способности. В данном контексте в дворянских проектах, на мой взгляд, был представлен еще один сценарий решений крепостного вопроса — «сценарий отложенного освобождения».

Ярким примером существования в сознании помещиков подобного алгоритма является записка Н. С. Мордвинова «Одна из мер освобождения крестьян от зависимости, и с оною возбуждения народной деятельности» (1818)³⁰. Одномоментное уничтожение крепостного права, по мнению автора записки, было затруднено исторически сложившимися особенностями крестьянской психологии: полностью зависимый от воли помещика крестьянин не имел навыков свободного труда и не обладал сдерживающим от необдуманных поступков чувством собственника. Именно это обстоятельство использовалось в качестве главного аргумента при обосновании необходимости длительного периода подготовки крестьянского сознания к самостоятельному ведению хозяйства. По словам Мордвинова, «народу, пребывающему века без знания гражданской свободы, даровать оную изречением на то воли Властителя возможно, но знания пользоваться ею во благо себе и обществу даровать законоположением невозможно»³¹, следовательно, преобразования должны проводиться с «некоторою постепенностью, когда свободными делаются не все вместе и единовременно»³². Предполагалось, что крепостные будут освобождены после выплаты помещику денежной компенсации за потерю рабочих рук, размер

²⁸ См.: Записка о проекте А. А. Аракчеева по освобождению крестьян (1818) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 160–163.

²⁹ См. подробнее: *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 102–103.

³⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 34. Л. 1–6.

³¹ Там же. Л. 2.

³² Там же.

которой устанавливался бы в зависимости от возраста и трудоспособности каждого крестьянина: дети до 2 лет и крестьяне старше 60 лет освобождались бесплатно; от 2 до 5 лет общая сумма выплат составляла бы 100 руб.; 5–10 лет — 200 руб.; 10–15 лет — 400 р.; 15–20 лет — 600 руб.; 20–30 лет — 1500 руб.; 30–40 лет — 2000 руб.; 40–50 лет — 1000 руб.; 50–60 лет — 500 руб.³³ Установление высоких выкупных платежей привело бы к тому, что первыми освободились наиболее предприимчивые крестьяне. Таким образом, по словам Н. С. Мордвинова, свобода «представляется в виде награды трудолюбию и приобретаемому умом достатку»³⁴.

В дворянских проектах, так или иначе затрагивавших положение крепостных крестьян, центральными категориями, с помощью которых происходило обоснование необходимости постепенного их освобождения, были понятия «польза» и «просвещение». В идеале наиболее приемлемой моделью было избирательное освобождение крестьян по мере их «просвещения», следовательно, способности приносить «пользу» не только своим семьям, но и российской экономике в целом. Именно поэтому даже в проектах, авторы которых не ставили перед собой цель разработать предложения по освобождению крестьян, а главные свои усилия направляли на решение сугубо практических задач, предоставление «вольности» наиболее трудолюбивым и грамотным работникам рассматривалось как необходимое условие экономического развития. Одним из таких проектов является записка барона Фридрикса «Предназначение практической сельскохозяйственной школы во всех частях для воспитания искусных и образованных управителей» (1800 г.)³⁵. По мнению автора, главная проблема, сдерживающая развитие сельского хозяйства в России, — отсутствие квалифицированных приказчиков и управляющих дворянскими имениями. Анализируя сложившееся к началу XIX в. положение, он констатировал, что в большинстве случаев управляющими работают люди, не имевшие необходимых знаний и практических навыков работы с землей. Выход из сложившегося положения — создание при финансовом участии государства практической сельскохозяйственной школы, главной целью которой была бы подготовка квалифицированных управляющих из числа как государственных, так и частновладельческих крестьян. После шести лет обучения выпускники «практической сельскохозяйственной школы» обязаны были в течение восьми лет отработать в качестве «управителей в деревне». В случае, если крестьянин по истечении указанного срока заслужил положительные характеристики от собственника имения, он «получит уже совершенную свободу»³⁶. Таким образом, крестьянин, приобретая необходимые ему навыки свободного труда, становился «полезным» для общества и переходил в новое «свободное состояние».

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 2.

³⁵ РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 6 — 19 об.

³⁶ РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 14 об.

Освобождение крестьян посредством постепенного перехода в «новое состояние» рассматривалось в качестве одного из вариантов решения крепостного вопроса не только в отношении так называемых «землепашцев», но также и тех, кто трудился на фабриках и заводах. Например, летом 1805 г. граф В. П. Кочубей представил в Государственный совет проект перевода фабрично-заводских крестьян в новое состояние «свободных мастеровых». Он предложил юридически закрепить порядок, в соответствии с которым все приобретенные для работы на заводах и фабриках крестьяне по истечении 18 лет с момента их появления на производстве становились бы свободными³⁷. Аргументируя свою позицию, автор проекта подчеркивал, что реализация данного предложения одновременно позволит освободить крестьян, и будет способствовать развитию отечественной промышленности за счет появления в России рынка вольнонаемной рабочей силы³⁸.

В отношении содержания выявленные в результате сопоставления слухов, записок и проектов по крестьянскому вопросу «сценарии» освобождения позволяют констатировать, что в общественном сознании не сложилось конвенционального соглашения по вопросу о способах и темпах упразднения личной зависимости крестьян. Представленные в различных формах коммуникативной практики ожидания и тревоги, связанные с возможными изменениями в положении значительной части населения, были обращены не к помещикам или местным властям, а к верховной власти, которая должна была учесть интересы всех заинтересованных сторон. Такая модель могла иметь несколько вариаций, и в отдельных случаях допускала даже сценарий «внешнего освобождения», но вне зависимости от конкретных механизмов предоставления крестьянам личной свободы, она последовательно воспроизводила патерналистский стереотип о роли государства в решении сколько-нибудь значимых социально-экономических проблем.

Однако обозначенная на уровне слухов, прошений и проектов общность патерналистских установок не предполагала унификации поведенческих моделей. В сложившихся условиях, ожидая активных действий со стороны государства, представители даже одной социальной страты придерживались разнонаправленных стратегий поведения. Так, например, одна часть дворянства, удовлетворяя потребность в самореализации и руководствуясь представлениями о долге гражданина и принципах христианской морали, предлагала проекты освобождения крепостных. Другая часть «благородного сословия», преследуя сугубо утилитарные цели, обращалась с жалобами на решения различных инстанций об освобождении отдельных крестьян и «взятии имения в опеку», или

³⁷ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. I. 1811. Д. 140. Л. 97–98.

³⁸ Там же. Л. 97.

продавала своих дворовых людей лицам недворянского происхождения. Как правило, незаконная продажа совершалась под прикрытием перехода крепостного по «верющим письмам» в «услужение», «учение» или «на воспитание». Даже несмотря официальный запрет, нарушение которого влекло за собой наложение на помещика денежного взыскания в размере от 200 до 500 руб. и принудительное освобождение работников³⁹, помещики каждые пять лет составляли новые «прокормежные и плакатные паспорта», «верюющие письма» или контракты на «учение крестьян». В результате отданные «в услужение» или «учение» крестьяне могли находиться в полной власти лиц недворянского происхождения несколько десятилетий подряд, и полностью утрачивали какую бы то ни было связь с законным владельцем⁴⁰.

Однако такое положение было бы невозможно без наличия устойчивого спроса на «подневольных работников», который формировали представители других социальных групп, обладавшие необходимыми для совершения подобных сделок финансовыми ресурсами. Особенно часто попытки присвоения права обладания крепостными людьми предпринимали состоятельные купцы и так называемые «разночинцы», которые после издания указа 12 декабря 1801 г. имели право покупки лишь пустующих земель, но не могли владеть крепостными людьми. Для них использование труда крестьян и дворовых людей было, скорее всего, не столько инструментом получения прибыли, сколько наглядным показателем их состоятельности, своеобразной попыткой «сближения» с труднодостижимым статусом потомственного дворянина, главной привилегией которого было право обладания «крещеной собственностью».

Таким образом, отсутствие конвенционального соглашения о конкретных механизмах освобождения осложнялось разнонаправленностью практических действий российских подданных. Всё это существенно тормозило реализацию любых, даже самых реалистичных и тщательно разработанных проектов освобождения и наряду с целым рядом внешнеполитических факторов обусловило нерешительность верховной власти в деле проведения связанных с отменой крепостного права социальных трансформаций.

References

- Biryukovich V. V.* Sudba ukaza «O volnykh khlebopashchakh» v carstvovanie Aleksandra I // *Arkhiv istorii truda v Rossii*. Pg., 1921. Kn. I. S. 63–79.
- Dolgikh A. N.* Krestyanskij vopros vo vnutrennej politike rossijskogo samoderzhaviya v konce XVIII — pervoj chetverti XIX v. Lipeck, 2006. T. 1–2.
- Got'e Yu. V.* Ocherk istorii zemlevladieniya v Rossii. M., 2003.
- Medushevskij A. N.* Proekty agrarnyx reform v Rossii XVIII — nachala XXI v. M., 2005.
- Minaeva N. V.* Pravitelstvennyj konstitucionalizm i peredovoe obshhestvennoe mnenie Rossii v nachale XIX veka. Saratov, 1982.
- Mironenko S. V.* Samoderzhavie i reformy: politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX veka. M., 1989.
- Rumyantsev S. P.* Zapiska, podannaya gosudaryu o volnyx zemledelcax // *Dvoryanskije proekty resheniya*

³⁹ ПСЗ-І. Т. XXXVIII. 1823. № 29.416. С. 906–908.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177. Л. 5.

krestyanskogo voprosa v Rossii v konce XVIII — pervoj chetverti XIX veka: Sbornik dokumentov / Pod red. A. N. Dolgikh. Lipetsk: LGPU, 2002. S. 45–48.

Semevskij V. I. Krestyanskij vopros v Rossii XVIII i pervoj polovine XIX v. SPb., 1888.

Sergeeva N. I. Analiz kolichestvennykh pokazatelej dejstviya ukaza o svobodnykh хлебопашцах // Voprosy istorii Rossii XIX — nachala XX vekov. L., 1983. S. 57–68.

Timofeev D. V. Evropejskie idei v Rossii: vospriyatие liberalizma pravitelstvennoj elitoj v pervoj chetverti XIX veka. Chelyabinsk: Pirs, 2006.

Zhukovskaya T. N. Dvoryanskij liberalizm pri Aleksandre I: spory o konstituciyakh i «rabstve» v russkix zhurnalakh 1800–1810-x gg. Petrozavodsk, 2002.

Список литературы

Бирюкович В. В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. I. С. 63–79.

Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003.

Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX в. Липецк, 2006. Т. 2.

Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х гг. Петрозаводск, 2002.

Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI в. М., 2005.

Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Румянцев С. П. Записка, поданная государю о вольных земледельцах // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII — первой четверти XIX века: Сборник документов / Под ред. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002. С. 45–48.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888.

Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — нач. XX в. Л., 1983. С. 57–68.

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск: Пирс, 2006.